

Содержание

От автора 9

ИЗАБЕЛЬ БЕРТОН

Одна душа в двух телах 17

ДЖЕЙН ДИГБИ АЛЬ-МИЗРАБ

Матримониальные вариации 223

ЭМЕ ДЮ БЮК ДЕ РИВЕРИ

Послание от призрака 325

ИЗАБЕЛЬ ЭБЕРХАРД

Портрет легенды 431

Благодарности 491

Источники 493

Об авторе 499

*Влюбленные всегда живут в одной книге,
но порой на разных страницах.*

От автора

Четыре героини моей книги подобны северным ветрам, которые волею судьбы занесло в южные края. Все они принадлежали миру Западной Европы XIX века, где яркие эмоции уже начали выцветать, предвещая упадок женственности в XX столетии. И хотя эти женщины не похожи друг на друга ни характером, ни происхождением, ни воспитанием, у них тем не менее есть кое-что общее: каждая, проявив отвагу, нашла на Востоке ту страсть, которая в родных местах была бы невозможна. И каждая из них, пусть и по-своему, обрела любовь, которая стала мостиком к счастью, свободе и самовыражению.

Восток манил многих женщин, особенно англичанок. Эти дамы откликались на зов его путеводной звезды, куда бы она ни звала. Они отправлялись в длинные путешествия или короткие поездки, становились исследовательницами или туристками, шли на поводу у собственной прихоти, как леди Эстер Стэнхоуп, или всерьез увлекались востоковедением подобно Гертруде Белл и Фрейе Старк. Женщины, которых выбрала я, не были столь уж одарены интеллектуально. Все их достижения относятся скорее к миру чувств, и несмотря на всю свою смелость они видели Восток только сквозь призму личного опыта.

Эме дю Бюк — робкая, неискушенная девушка, выросшая в стенах монастыря. Изабель Эберхард — полная противоположность Эме, была загадочной, непредсказуемой и весьма раскованной барышней со славянскими корнями. Джейн Дигби —

богатая и свободолюбивая разведенная дама, романтическая идеалистка, несмотря на большое количество любовников сохранившая очаровательную невинность нрава. И наконец, Изабель Арунделл — викторианская барышня из обедневшей семьи, задохнувшаяся в рамках традиционного уклада. Она терпеливо ждала своего часа и любила с неистовой преданностью. Лишь в одном мои героини похожи: внутренний порыв привел их на Восток, где каждая нашла исполнение своих желаний.

* * *

Во всех этих женщинах романтизм сочетался с прагматизмом. Праздные грезы о любви, свойственные европейским романтикам той эпохи, были чужды им, напротив, они стремились жить полной жизнью и решительно воплощали мечту в реальность. В те времена романтика — если к ней кто-то и стремился — представлялась большинству обывателей как одни лишь вздохи и лишения. Она ассоциировалась с утасующей от чихотки дамой с камелиями, надрывно кашляющей в кружевной платочек. С Листом, исполняющим музыку Шопена — только представьте, как она разносится над туманными садами близ озера Комо или сливается с перезвоном колоколов затерянного в горах монастыря. С Шарлоттой Штиглиц, покончившей с собой в надежде хотя бы так вдохновить своего посредственного мужа-поэта.

Да, от такого существования веяло мертвецким хладом, но альтернативой романтическим терзаниям была крепнущая викторианская чопорность и ханжество. Неудивительно, что любовь да и сама жажда жизни год от года тускнели, а проявления женственности постепенно превращались в стыдные секреты. В мире, полном чахоточных поэтов, общественных ограничений и табу, лишь отчаянные смельчаки решались вкушать тайные прелести Востока.

Именно в то время обитатели западных стран внезапно открыли для себя восточную романтику. В XVIII веке те дальние края воспринимались как сказочная декорация, на фоне которой в моцартовском «Похищении из сераля» свергались падишахи и плелись интриги. Это зрелище пришлось по душе и посетителям элегантных версальских салонов, и зрителям театра в венском Хофбурге. В Австрии премьеру оперы Моцарта встретили бурными овациями. Но с наступлением девятнадцатого столетия мелодичные напевы стихли, и теперь искушенную публику очаровывала поэзия Байрона.

Родился новый образ Востока — более знойный, хотя по-прежнему далекий от реальности. Кичливый героизм уступил место свирепому величию. Возвращаясь из странствий, путешественники вроде князя Германа Пюклера-Мускау* рассказывали о доблестных арабах и чудесах восточного гостеприимства. В далекой России Пушкин упивался экзотикой крымских сказаний, а вслед за ним Лермонтов вдохновенно писал о кавказских страстях.

Вскоре усыпанные драгоценностями ятаганы украшали даже самые простые поместья, а партитура «Галопа мамлюков»** стояла на пюпитре каждого фортепиано. На гигантских полотнах Энгра и Делакруа разворачивались сладострастные сцены, в каждой из которых под вуалью восточной экзотики таилось животное начало, свойственное всем существам из плоти и крови. Некоторые женщины, подобные моим героиням, наверняка об этом догадывались — хотя бы на подсознательном уровне.

* Немецкий писатель, садовод и путешественник. Созданный им крупнейший в Центральной Европе ландшафтный парк Мускау в 2004 г. признан памятником Всемирного наследия. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. пер.*

** Танцевальная композиция британского композитора Шарля Луи Наполеона д'Альбера, популярная в XIX в.

Они ощущали, как сужаются границы их мира, видели, как холодный свет прагматизма омрачает их жизнь, словно серая туча посреди ясного небосвода. Казалось, он вскоре поглотит все голубое небо. К счастью, за романтический мираж еще можно было ухватиться, сделать его реальным — просто не здесь. Поэтому они с готовностью обратили свой взор на Восток.

Стоит признать, что мои героини стремились сохранить свободу, неведомую восточным женщинам, и им это удалось. Пурда*, неравенство полов, чадры — все это их не коснулось. Изабель Эберхард обходила правила, притворяясь мужчиной. Джейн Дигби осталась финансово независимой, а потому соотечественники мужа без лишних вопросов приняли ее как равную. Эме дю Бюк де Ривери, хоть некоторое время и была вынуждена следовать восточным устоям, в конце концов изменила правила игры. Из всей четверки, пожалуй, лишь Изабель Арунделл соответствовала идеалу покорной восточной жены, пусть и была энергичной и предприимчивой англичанкой. Тем не менее каждая из моих героинь, кажется, осознавала, что смирение дарует им такие возможности самовыражения, какими никогда не обладали их современницы на Западе.

Возможно, эта самая покорность и несла в себе нечто такое, что в Европе почти вымерло, ведь она давала покой, к которому подсознательно стремились женщины. Восточная атмосфера располагала к созерцанию, неге, почти животной неподвижности — состоянию, совершенно чуждому западному человеку.

В Европе даже досуг — явление совершенно иного толка — стал диковинкой. Вдали уже ревел надвигающийся ураган перемен: грохот и лязг миллионов механизмов, наращающих

* Морально-этический кодекс, основанный на исламских законах о положении женщины в обществе и семье, а также традициях, существовавших испокон веков среди народов Ближнего Востока.

обороты. Индустриализация вступала в свои права. Скоро общество окончательно подчинится подавляющему все вокруг ажиотажу деловитости и эффективности, а бурная деятельность и высокий темп жизни начнут превращаться в самоцель.

Этот натиск уже был готов обрушиться на западного человека и молотить, покуда не выбьет из него все чувства. Главное, чтобы выдержали нервы. Но киф, созерцание, сверкающие опиумные таблетки и сонная, сытая дрема убаюканных чувств — все это по-прежнему было доступно на Востоке. Думаю, некоторые (если не все) мои героини об этом прекрасно знали. В тех далеких краях оставалось место для *женственности*.

* * *

Давайте посмотрим на самую несвободную из моих героинь, Эме дю Бюк де Ривери. Она выросла в монастыре, потом попала в плен к пиратам, а затем — в гарем османского султана. Даже став наложницей, рабыней, Эме обладала большей свободой быть женщиной, чем те, кто попал в экономические тиски западной цивилизации.

Возможно, вы спросите, почему, рассказывая о мечтательницах, связавших свою жизнь с Востоком, я не упомянула леди Эстер Стэнхоуп — фигуру архетипическую, «старшую сестру» моих героинь. Да потому что она не столько искала женского счастья, сколько бежала от своей натуры. Эстер жаждала власти, а не любви.

Для меня Стэнхоуп навсегда останется марионеткой, важно вышагивающей по сцене и позирующей на фоне диковинного пейзажа, который она считала всего лишь декорацией для своих выступлений.

Мои героини из иного теста. Возьмем, к примеру, Джейн Дигби — леди Элленборо. Несмотря на знатное происхождение, красоту, обаяние и приятный характер, она не обрела сча-

стью в любви даже к сорока годам. Именно в этом возрасте, после очередного горького разочарования, Джейн задумалась о путешествии на Восток. Чтобы раствориться в любви (с присущей ей элегантностью), она нарушила все табу своего времени. Ее поведение в лучшем случае считали эксцентричным, в худшем — скандальным. Джейн жила, игнорируя любые правила, предупреждения и доводы разума, и наградой за это стало величайшее счастье.

Изабель Бертон я выбрала потому, что она — идеал женщины, всю себя посвятившей любви. Ее биография похожа на увлекательный приключенческий роман, ведь избранником Изабель стал один из самых известных путешественников своей эпохи — великолепный Ричард Бертон. Изабель была не только классической викторианской барышней, но и пламенной католичкой. Предрассудки, да и взгляды на жизнь у нее были вполне типичными для такой дамы. Однако она вышла замуж за еретика, скандального нарушителя общественного спокойствия. Изабель не могла сопровождать мужа в тех увлекательных экспедициях, которые прославили его в веках, но сила ее любви была столь велика, что как его жена она прожила и прочувствовала все волнительные приключения своего супруга. Пусть и мысленно, но Изабель побывала с мужем в Мекке, исследовала Африку, пробралась в Харэр... Так она ощутила вожаделенную свободу, приблизилась к настоящим приключениям, а также узнала больше о путешествиях и Востоке, чем, возможно, любая из ее современниц.

Что же касается Изабель Эберхард, то о ней я решила рассказать потому, что она была олицетворением переходного периода. Времена, когда женщины находили смысл жизни в любви, уходили в прошлое, и наступал век, когда прекрасный пол начал стремиться к равенству в труде и возможностях. Образ этой девушки с русскими корнями, которая переделалась муж-

чиной и обрила голову, чтобы отправиться в пустыню и жить с арабами на равных, поистине западает в душу. Медленный распад личности Изабель и крушение ее надежд видятся мне предвестниками перелома эпох, первыми ласточками грядущего века тревог.

Изабель Эберхард, как и многие женщины, последовавшие по ее стопам, верила, что может войти в мужской мир, сказавшись мужчиной, и это сделает ее жизнь более полной. Но она навсегда осталась лишь актрисой в этом спектакле с переодеваниями. Костюм не преобразил ее сути. За ним все равно скрывалась покорная, нежная и щедрая женщина, и мужчины пользовались этим со свойственной им жестокостью. Изабель — предтеча многих героинь современной прозы. Невротичная, полная нигилизма, разочарованная — щепка на волнах океана жизни — она стала одним из первых примеров распада привычных устоев.

Вот мы и вернулись к тому, с чего начали. Устремившись в диковинные края, все мои героини нашли хотя бы толику женского счастья.

Изабель Бертон

Одна душа в двух телах

1

Она с самого начала знала чего хочет, а потому упорно двигалась к цели, будто локомотив. Никаких сомнений и сожалений. Она устремилась на Восток, едва заметила Ричарда Бертонна. Он, смуглый, с арабскими чертами лица и глазами хищной пантеры, стал для нее путеводной звездой, воплощением всех ее сокровенных желаний, Востоком в человеческом обличье.

Бертон был одним из величайших путешественников своего времени, непревзойденным исследователем Востока, по праву носившим зеленую чалму хаджи*. Ричард был единственным европейцем, помимо Буркхардта, которому удалось совершить паломничество в Мекку, увидеть ее святыни глазами мусульманина и воочию узреть то, что больше никто из неверных не видел. Избранник Изабель знал множество редких восточных диалектов и говорил на двадцати восьми языках (злопыхатели едко подмечали, что один из них — порнографический), но родным считал арабский. Каждое его путешествие на Восток становилось сенсацией в Англии, ведь в то время дешевые морские туры, которые позже сделает популярными Томас Кук, еще не появились.

Изабель с юности зачитывалась книгами Бертонна и следила за каждым моментом его легендарных экспедиций. Когда же

* Головной убор, который мог носить мусульманин, совершивший паломничество (хадж) в Мекку. — *Прим. ред.*

она наконец с ним познакомилась, он стал для нее олицетворением далеких стран ее мечты. «Хочу быть в его жизни каждый день и каждую ночь, — написала Изабель матери, которая отказывалась благословить этот союз даже спустя десять лет, полных страстных томлений дочери. А потом продолжила: — Если бы только я была мужчиной, я бы стала Ричардом Бертоном! Но я женщина, а потому стану его женой». Она жаждала быть возле него и в жизни, и после смерти.

Ричард и Изабель в любом веке показались бы странной парой, но в глазах современников выглядели особенно эксцентрично. И все же большинство из них видели, что влюбленные не могут друг без друга — несмотря на вялые попытки Бертона доказать обратное. Супруги были половинками целого, «одной душой в двух телах», и, согласно предсказанию цыганки Хагар, не разлучались надолго ни в жизни, ни в смерти.

Бертон, потрясший викторианскую Англию сочинениями о Востоке с нотками фрейдизма (хоть и писал их до Фрейда), циник с умом, в котором сухие факты сплетались с неясным мистицизмом, упорно утверждал, что с точки зрения психологии он — близнец, утративший пару, а Изабель — тот самый утерянный фрагмент, которого ему недоставало. Всю жизнь их связывала череда поразительных, то ли предначертанных, то ли случайных событий. Видения во сне и наяву, телепатические беседы, предчувствия и странные совпадения прекрасно вплетались в паутину из нитей судьбы и молитв, которую искусно создавала Изабель.

Она была ревностной католичкой, но притом суеверной, а в зрелые годы увлеклась парапсихологией. Все это, как и убеждение, что у ее любимых животных есть душа, навлекло на нее осуждение церкви. Зато мусульманские догматы приносили Изабель утешение: в раю Мухаммеда было место для девяти животных.

Бертон же открыто заявлял, что он агностик, но суеверия и мистицизм время от времени подталкивали его то к суфизму (среди суфиев Ричард имел ранг мастера), то к искаженной версии католицизма. Единственное, что оставалось неизменным, была его собственная вера (и, возможно, любовь к Изабель).

Бертону доставляло удовольствие высмеивать лицемерие любых религий, какими бы популярными или, напротив, малоизвестными они ни были. Он одинаково недолюбливал и показные проявления духовности, и ханжество. Неудивительно, что большинство современников считало его самодовольным иконоборцем. Однако при этом Ричард был способен и на глубокие переживания: Изабель писала в дневниках, что ее возлюбленный рыдал в те редкие моменты, когда приходил на мессы. А когда у нее умер брат, Бертон дал ей пять фунтов, чтобы заказать литургию по усопшему. Хотя это утверждение Изабель, как и многие другие, можно интерпретировать двояко. Ее стремление обратить других в свою веру было велико, поэтому не исключено, что тогда Бертон просто оплатил собственное спокойствие. Однако такую теорию выдвинул бы циник — не я.

Чем больше я писала об этой странной паре, тем отчетливее видела их трагичное величие. Он был пустынным орлом, заточенным в клетке. Крылья ему подрезала в основном его собственная бестактная прямота — упрямое стремление и словом, и делом следовать девизу «Честь, а не почести». Эти слова настолько впечатлили генерала Гордона, что в переписке с Бертоном военный всегда использовал их в качестве эпитафии. В публичной жизни Бертон почти всегда стремился к хорошему, но вот методы выбирал неверные — фатальная противоположность более распространенным случаям, когда цель выбирают скверную, а путь к ней — всеми одобряемый.

Что же касается Изабель, то она не была ни мелочной, ни подлой. Правда, она частенько доводила кого-нибудь до бе-

лого каления, но сквозь ворох мемуаров, писем и дневников проглядывает прекрасная женщина — да, с тяжелым характером, но при этом любящая, преданная, храбрая и щедрая да еще и с чувством юмора (которое, однако, напрочь ей отказывало, едва речь заходила о Ричарде — его Изабель называла своим земным богом и повелителем).

Оба супруга были фигурами трагикомическими. Они подарили друг другу великое счастье, но при этом их союз был обречен на финал, достойный древнегреческой трагедии. Изабель, любившая мужа со всепоглощающей жадностью, фактически уничтожила его, а он, одомашненный и скованный привязанностью к жене, позволил ей сделать это, чем окончательно добил себя.

Их отношения — зеркало эпохи, в которой Запад подавлял Восток. Изабель вела себя с возлюбленным так же, как Англия — с далекими диковинными странами. Она его колонизировала. Если Бертон был воплощением Востока, то Изабель играла роль Запада-надзирателя: окультуривала, облагораживала, возвышала, защищала, подавляла... А когда она сожгла дневники мужа, это стало ее триумфом — победой над его попыткой обрести независимость хотя бы после смерти, последним проявлением власти в собственной империи. Во время правления королевы Виктории в доме Бертонов произошло завоевание не менее славное, чем заморские победы Англии, — просто более интимное.

Если вам покажется, что, повествуя об Изабель Бертон, я слишком много внимания уделяю ее мужу, вспомните, что Ричард был ее вселенной, их судьбы в буквальном смысле переплелись друг с другом. Все его поступки и мысли отпечатывались в жизни и характере Изабель. То, что началось как страстное девичье увлечение, переросло в любовь и постепенно превратилось в столь тесное слияние, что отделить Берто-

нов друг от друга стало невозможно. Писать о них поодиночке бессмысленно. То, чего эта викторианская дама не могла достичь сама, она получила опосредованно: благодаря любви испытала все приключения, мечты и стремления мужа, поборола его неудачи, ведь в глазах женщины возлюбленный не способен потерпеть поражение.

Как говорил один французский писатель, достаточно просто любить мужчину, чтобы он ради тебя добился всего, чего не смог раньше; чтобы выполнил предназначение, которое без тебя выполнить было невозможно. Изабель дышала супругом. Свою беззаветную преданность она увековечила, выбрав эпитафию для своего надгробия, которое установили подле могилы Ричарда в диковинном мраморном шатре на кладбище Мортлейк. «...Изабель, его жена», — гласит надпись. Этого было достаточно. Венца прекраснее просто и быть не могло.

* * *

Изабель Арунделл родилась в Лондоне 20 марта 1831 года в доме номер четыре по улице Грейт-Камберленд-плейс. На соседней Оксфорд-стрит пока еще не появились многочисленные магазины, которые чуть позже принесут столько беспокойства местным жителям. Это был спокойный и элегантный жилой квартал. Он прекрасно подходил семейству Арунделлов, которые пусть и не могли похвастать богатством, все же принадлежали к числу некогда влиятельных аристократов-католиков, чей род уходил корнями к эпохе Вильгельма Завоевателя. Даже когда Арунделлы сражались за место под солнцем, они всегда помнили о Риме. На протяжении веков они были придворными лакеями, политиками, патриотами, но прежде всего — католиками.

Отцу Изабель, Генри, не досталось владений, которые могли бы его прокормить, а потому он занялся торговлей. Дела он вел в городе, в собственной винной лавке, а досуг проводил

в крыле замка Уордур, которое растущей семье предоставил богатый кузен и крестный Изабель — лорд Арунделл.

Детство маленькой мисс Арунделл было жизнерадостно невинным, наполненным простыми сельскими развлечениями. Она наблюдала за птичьими гнездами, скакала вслед за борзыми верхом на пухленьком пони и временами навещала захворавших крестьян, надевая плащ точь-в-точь как у Красной Шапочки и нося с собой корзинку со сладостями. Она помогала устраивать рождественские гуляния, раздавала селянам одежду из знаменитой викторианской фланели, которая по непонятной причине весьма ценилась, гладила собачек, овечек и других милых зверушек, возилась с младшими братьями и сестрами в июньском сене и наслаждалась сдержанным английским солнышком.

В Лондоне ее ждали более светские забавы: прогулки по парку в семейном экипаже с кучером и лакеями, облаченными в темно-зеленые с золотым ливреи; забавы в детской на пятом этаже лондонского дома — там сквозь щели в ставнях можно было подсматривать за обходящим улицы фонарщиком; игры у камина, где на решетке можно было вкусно поджарить булочку; беготня вверх и вниз по лестничным пролетам, по которым постоянно сновали туда-сюда три няни, таскавшие в дом продукты, уголь и горячую воду. Заправляла всем грозная старая гувернантка. Ежедневно в шесть вечера она облачала своих подопечных в накрахмаленные одежды, а потом отправляла в гостиную на своеобразную церемонию общения с родителями.

За несколько лет до того, как Изабель с сестрами дебютировали в высшем обществе Лондона (светский сезон был традиционным брачным рынком, на который родители с волнением выставляли своих дочерей), Арунделлы решили стратегически отступить из столицы, чтобы накопить необходимые ресурсы. Семейство уехало в Эссекс, и в своих мемуарах Иза-

бель с ностальгией вспоминает очаровательный особняк Фарзи — старинный дом без лишних изысков, который стал ей по-настоящему родным.

В тех краях она была предоставлена сама себе — как на лесных тропках, так и в библиотеке. Именно в Фарзи она впервые услышала манящий зов Востока. Гуляя по окрестностям, Изабель наткнулась на цыганские стоянки и, впечатленная смуглыми свободными *ро́ма*, проводила с ними дни напролет. В библиотеке девушка обнаружила «Танкред»* Дизраэли, и этот диковинный восточный роман стал ее спутником по жизни, настольной книгой, которая вместе с томиком Библии кочевала с ней повсюду — даже в пустыне, спрятанная в седельной сумке.

«Я знала “Танкред” наизусть, поэтому, когда прибыла в Ливан... когда оказывалась в лагере бедуинов или в крепостях маронитов** и друзей***... меня ничто не удивляло...»

Изабель вошла в период «трудного возраста», а потому располнела, стала упрямой и скрытной. «Мне нравилось прятаться в своем укрытии и часами предаваться угрюмым мыслям», — вспоминала она. В дневнике она писала о безнадежной тоске по «всему цыганскому, бедуинско-арабскому, восточному и мистическому и особенно по вольной жизни, свободной от любых условностей».

* Роман Б. Дизраэли «Танкред, или Новый крестовый поход» (1847) повествует о путешествии молодого аристократа на Восток в поиске духовного и морального обновления. — *Прим. ред.*

** Приверженцы Маронитской церкви — одной из шести восточных католических церквей, имеющих статус патриархата. Большинство последователей проживают в Ливане, Сирии и на Кипре.

*** Этническая и конфессиональная группа арабов в Ливане, Сирии, Иордании и Израиле.

Бедная матушка Изабель! Ее начали терзать дурные предчувствия по поводу первого появления дочери в высшем свете. Достойно дебютировать было очень важно, ведь второй сезон не только повлек бы дополнительные расходы, но и снизил бы, так сказать, начальную цену «товара». Миссис Арунделл рассуждала о перспективах дочери именно в таких выражениях — словно речь шла о племенной кобыле.

Мистер Арунделл был мужчиной беспечным: охота на лис интересовала его куда больше, чем дебют дочери, поэтому он не стал утруждать себя и переложил все заботы на благородных родственников, а именно на графиню Норфолк.

Первый светский сезон Изабель прошел блестяще. Она дебютировала на альмак-балах* и приглянулась многим молодым холостякам, оценившим как ее красоту, так и происхождение. Изабель была статной блондинкой с прекрасной фигурой, а еще принадлежала к роду Арунделлов — это сглаживало то жуткое обстоятельство, что приданого у нее не было. Изабель осыпали комплиментами, которые она принимала с равнодушием. Зря мать и тетушки убеждали, угрожали и умоляли ее проявить интерес хоть к кому-нибудь. Мисс Изабель (в кругу родных — Киса) вынашивала другие планы.

Среди цыган ее прозвали Дейзи, то есть «маргаритка», и она стала желанной гостьей во всех таборах, осевших в лесах и пещерах Эссекса. Одна из новых подруг Изабель, самопровозглашенная цыганская баронесса Хагар Бертон, на прощание составила ей гороскоп и записала предсказание на цыганском языке. Изабель не могла его прочитать, но дорожила этим подарком, а содержание выучила наизусть, что сильно повлияло на ее выбор жизненного пути:

* Балы, которые следуют один за другим в заранее объявленном порядке. Появились в середине XVIII века в подражание великосветским балам и были названы в честь первого организатора, трактирщика по фамилии Альмак.

«Переплыв море, ты окажешься в одном городе с тем, кто предназначен тебе Судьбой, но об этом не узнаешь. Ты столкнешься со всеми мыслимыми и немыслимыми препятствиями. Обстоятельства сложатся так, что ты сможешь воссоединиться с суженым, лишь проявив всю свою смелость, силу и ум... Ты будешь носить имя нашего табора и гордиться этим. Ты станешь подобна нам, но возвысишься над нами. Жизнь твоя будет состоять из странствий, перемен и приключений. Ты и твой суженый — одна душа в двух телах: ни жизнь, ни смерть не разлучат вас надолго. Покажи этот гороскоп мужчине, за которого соберешься замуж. — Хагар Бертон».

Однако это предсказание, пропитанное запахом костра и несшее с собой загадочный дух кочевников, живших за гранью закона, было столь же неприемлемо для золотой молодежи из лондонских салонов, сколь эта молодежь — для самой Изабель. А потому она хранила его в тайне, послушно посещала балы и оставалась равнодушна к высшему свету.

Светский сезон подошел к концу, а с ним угасли и надежды Арунделлов выдать дочь замуж с первого захода. Следовало перегруппироваться и начать готовиться к следующему году. Семейство отправилось в Булонь — прибежище для обедневших членов английского общества, среди которых встречались как представители высшего света, так и особы с сомнительной репутацией. При этом эти две категории изгоев предпочитали держаться друг от друга подальше.

В городе были как оживленные улицы, так и тихие прогулочные аллеи, но скучные и предсказуемые Арунделлы, разумеется, предпочитали унылую неспешность.

Изабель, отличавшаяся типичным английским высокомерием, свойственным девушкам ее возраста и происхождения, оказалась за границей впервые. Конечно, в ее представлении эта

«заграница» не имела ничего общего с желанным легендарным Востоком, а была всего лишь примером всей остальной Западной Европы, которая находилась за пределами Англии. По мнению Изабель, любая точка на карте Европы была жуткой дырой с отвратительной кухней и толпами иностранцев. В своих дневниках мисс Арунделл отзывалась о французских домашних блюдах не иначе как о «стряпне, которую у меня на родине даже собакам постеснялись бы подать». Словом, состояние Изабель сильно отличалось от того блаженства дальних странствий, которое, несмотря на экстремальные условия, она ощутила много лет спустя, отправившись вместе с супругом в сирийскую пустыню. Ту жизнь она станет называть «святой, торжественной и сумасбродной».

В Булони Изабель, как и ее сестры, пристрастилась к курению отцовских сигар, хоть и находилась под неусыпным контролем матери. В мемуарах она писала:

«Люди постоянно спрашивали: “Почему это девочки Арунделл такие бледные? Наверное, слишком много танцуют”. Увы! Как раз отсутствие таких вот невинных развлечений и толкнуло нас на скользкую дорожку».

Арунделлы провели в Булони два года. Два года экономии и праздного ожидания. Прогулок по набережной с мамой. Ненавистного вышивания в гостиных и подглядывания за щеголями, мелькавшими в магазинчиках на Гран-Рю. Изабель попадались на глаза беззаботные семьи отставных офицеров на половинном жаловании, соломенные вдовы, чьи мужья подолгу пропадали в Индии, участвуя в военных кампаниях, молодые повесы из благородных семейств... О последних Изабель с ноткой мечтательности писала: «Явно, что они проворачивают какие-то темные делишки с деньгами». Должно быть, подоб-

ная рутина душила Изабель, ведь она рвалась к «необузданной жизни за рамками всех законов» и жаждала быть не такой как все — добраться до далекого, недостижимого Востока.

Сохранять надежду ей помогал гороскоп, составленный Хагар... А пока Изабель коротала время за чтением «Танкреда», курением отцовских сигар и ведением дневника. Она запечатлела на его страницах свой идеал — образ таинственного любовника, который однажды появится, и тогда предсказание цыганки об одной душе в двух телах наконец исполнится. Изабель точно знала, чего хочет:

«Мой идеальный мужчина должен быть ростом около 180 сантиметров и не иметь ни грамма жира. Плечи и грудь у него широкие, мускулистые — он сильный, совсем как Геракл. Смуглый брюнет с высоким лбом, брови нахмурены от постоянных раздумий, глаза большие, черные, глубокие — потонуть можно, и обязательно длинные ресницы. Он и солдат, и настоящий муж. Такой привык повелевать, привык, чтобы ему повиновались... Он, так же как и я, превыше всего ценит свободу и великодушные и не приемлет предрассудков... Ему чужда суетность, ложная совестливость и чопорность — о чем бы ни шла речь. Он один из тех всемогущих мужчин, которые ведут других за собой, — гений с нравом вождя».

Вот он — романтический идеал, главный герой и защитник из любовных романов, какие были популярны до эпохи Уиды*, образец мужественности и желанный суженый для Изабель, полной кипучей жизненной энергии.

* Настоящее имя — Мария Луиза Раме (1839–1908). Английская писательница, автор детских рассказов и романов о светской жизни. Впоследствии стала близкой подругой Бертонов.

«Только за такого я и выйду. Я лелею этот девичий миф (да, я знаю, что это миф), потому что он на самом деле о Боге. Я смотрю на звезду, которую Хагар окрестила звездой моей судьбы, на Утреннюю звезду. Где-то там, наверное, и обитает мой земной Бог, ведь кажется, что такому идеалу нет места на нашей планете, и отыскать его здесь невозможно...»

Так, поставив крест на своем будущем — к лучшему или к худшему, — Изабель вернулась в постылое настоящее. Но однажды все изменилось: в один прекрасный день, гуляя с сестрой по бастионам, Изабель встретила свою Судьбу, и что самое удивительное — сразу это поняла. Вот как она описала момент первой встречи:

«В тот день перед нами предстало видение из моих грез. Ростом 180 сантиметров, широкоплечий, стройный, мускулистый, волосы темные, черные брови четко очерчены. Лицо его было смуглым и обветренным, с правильными арабскими чертами. Густые черные усы, которые спускались почти до подбородка, обрамляли упрямо поджатые губы. Позже один умный друг написал, что у него “лоб Бога и челюсть дьявола”. [Интересно, понял бы Суинберн*, что это его Изабель как бы невзначай окрестила «умным другом»? — *Прим. авт.*] Но больше всего привлекал внимание пронзительный взгляд его сверкающих темных глаз с длинными ресницами. В выражении его лица было что-то дикое, гордое, но вместе с тем меланхоличное. Улыбался он так, будто делал это через силу, и почти на все смотрел с нетерпеливым презрением. Одет он был в короткое потрепанное пальто черного цвета, а толстую тяжелую трость нес на плече, будто караульный — ружье».

* Алджернон Чарльз Суинберн — английский поэт, представитель декаданса.

Сравните перечень этих колоритных черт с тем идеалом, который Изабель столь скрупулезно описала в дневнике двумя годами ранее, и вы сразу поймете, что незнакомец и правда оказался воплощением мечты. Он направился в ее сторону с мрачной грациозностью Хитклиффа*, перед которой наша викторианская барышня, конечно же, не могла устоять.

«Он взглянул на меня так, будто за одно мгновение разглядел самую мою суть. [Подумать только! Разумеется, ни один из близоруких болванов на лондонских балах так бы не смог! — *Прим. авт.*] Я была совершенно очарована. Когда он чуть отошел, я повернулась к сестре и прошептала: “Он на мне женится”».

Тем смуглым демоническим незнакомцем оказался не кто иной, как Ричард Бертон. Изабель ни на минуту не сомневалась: встретились они потому, что им двоим суждено исполнить предсказание цыганки. На следующий день наши герои, конечно же, снова случайно встретились в том же месте. Конечно же, Ричард пошел вслед за девушками и, достав кусочек мела, написал на стене бастиона: «Можно с вами поговорить?» — и положил мел рядом. «Я взяла мелок, — вспоминает Изабель, — и написала в ответ: “Нет. Матушка разозлится”. Мама и вправду обо всем узнала и разозлилась, и нас с сестрой принялись стеречь пуще прежнего».

Для Изабель эта встреча была сродни божественному откровению о том, что ее романтические мечтания были не напрасны. Идеальный мужчина, возлюбленный из ее грез, необузданный чужестранец из арабских краев не просто существовал — он жил, дышал с ней одним воздухом и даже заметил ее! Через

* Главный герой романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».

неделю после судьбоносного явления Бертон произошло формальное знакомство. Изабель услышала его имя, и пророчество Хагар обрушилось на нее с новой силой: *«Переплыв море, ты окажешься в одном городе с тем, кто предназначен тебе судьбой, но об этом не узнаешь... Ты будешь носить имя нашего табора и гордиться этим».*

«В тот момент я больше ни о чем не могла думать, — писала Изабель. — Я посмотрела на него украдкой — и наши взгляды встретились. Глаза у него были цыганские, они смотрели отрешенно, будто сквозь меня. Он был первым человеком в моей жизни, который умел так смотреть, пусть и не принадлежал к цыганскому племени».

Шли дни, и Изабель, сраженная любовной горячкой, «краснела и бледнела, пылала и леденела, страдала от головокружений и обмороков». Раздосадованные родители девушки, не догадываясь об истинной причине недомогания, вызвали врача, который пришел к выводу, что у пациентки несварение, и прописал соответствующее лечение. Но Изабель, как впрочем и всегда, поступила по-своему. Она выбросила таблетки в камин и, несмотря на все переживания, продолжила верить и в предсказание цыганки, и в свою судьбу. Свободное время она теперь посвящала молитвам и тщательному изучению всего, что написал Бертон.

«Как-то раз нам позволили нарушить унылый распорядок жизни. Кузина устроила чаепитие и танцы, куда пригласили многих, в том числе и сэра Ричарда. Он сиял там, словно звезда среди лучин! Это был незабываемый вечер: один раз он пригласил меня на вальс и несколько раз разговаривал со мной. Я сохранила пояс, к которому он прикасался, когда в танце держал руку

у меня на талии, и перчатки, сквозь которые его ладони сжимали мои. С тех пор я их больше ни разу не надевала».

* * *

Так начались четыре долгих года, полные томлений и надежд. Изабель больше ни разу не виделась с Ричардом, а потом Арунделлы и вовсе уехали из Булони обратно в Лондон. Вскоре после их отъезда Бертон дерзнул отправиться в паломничество в Мекку. Изабель же вернулась к привычной светской жизни, продолжая отвергать выгодные предложения о замужестве. Она достигла совершеннолетия, и к этому моменту преисполнилась уверенности в себе и в своей любви к Бертону: ее дневник теперь сплошь состоял из романтических признаний.

«Неужели мне не суждено обрести с ним покоя, найти в нем любовь и понимание, поделиться с ним своими чувствами и мыслями — в краях, не похожих на эти? Например, в шатре у Рангуна*, — предавалась она сумасбродным фантазиям, а потом впадала в мистицизм: — Если мы с Ричардом никогда не поженимся, Бог поможет нам встретиться в ином мире, и разлука станет нам не страшна. Мы предназначены друг для друга».

Изабель уже было не остановить. Но пока ей приходилось бездействовать и томиться дома, как и подобает благовоспитанной викторианской барышне, и это ее ужасало. Сама того не понимая, она влюбилась не только в самого авантюриста, но и в его полную приключений жизнь. Она часто с завистью писала о вольных странствиях Ричарда, о том, как легко при-

* Английское название города Янгон в Мьянме. — *Прим. ред.*

способилась бы к такой жизни: «Засуха, лишения, боль, опасность — все ради любви к нему... Некоторые женщины, кажется, рождены для скитаний с котомкой за плечами...»

О доблестных походах Ричарда судачили все чаще, и Изабель наверняка было мучительно слушать эти рассказы, пока она, его родственная душа, продолжала покорно выполнять постылые женские обязанности, томясь в доме на Монтегю-плейс.

«Думаю, у нас с сестрой всяких развлечений и перемен в жизни не меньше, чем у других наших сверстниц, но мне все кажется скучным. Как бы я хотела объехать весь мир в скоростном поезде. Боюсь, если останусь дома, то просто сойду с ума».

Терпение Изабель постоянно подвергалось испытаниям. Едва Бертон совершил паломничество в Мекку, как исчез где-то в Индии. Книга о Мекке в одночасье сделала его знаменитым, но он не стал возвращаться в Англию, чтобы искупаться в лучах славы. Изабель молилась, мечтала о встрече, гордилась его успехами, но и тосковала, прячась за образом пышущей здоровьем юной красавицы. Она была высоким, крепким созданием, румяная, с золотисто-каштановыми волосами, пышной грудью и манящими голубыми глазами. Сохранился ее юношеский портрет: овальное лицо с тяжелым подбородком, аристократически крючковатый нос, тонкие губы поджаты, как у чопорной мисс, а не у страстной юной девы, какой она была на самом деле. Общее мнение было единодушным: все отмечали ее стать, а вот красавицей называли лишь некоторые. В мемуарах современников Изабель неизменно предстает как безупречно одетая, обворожительная, сиятельная и элегантная барышня.

Из Индии Бертон устремился в новый опасный поход. Изабель с гордостью и ужасом читала, что он возглавил экспедицию в абиссинский Харэр. Туда, как и в Мекку, не решался ступить